

11 Поможет ли заемщикам и застройщикам снижение ставок по ипотеке

12 Готовы ли банки воздержаться в этом году от дивидендов

12 Что делают регуляторы по всему миру, чтобы спасти национальные финансовые системы

Отложенный удар

Нынешний экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, а в России еще и отягченный падением цен на нефть, что ограничивает возможности бюджета в оказании помощи экономике, отечественную банковскую систему пока существенно не затронул. Но обязательно затронет.

— тенденции —

Дырявый портфель

Выступая в конце апреля на совещании по вопросам банковской деятельности, глава ЦБ Эльвира Набиуллина заявила: «Банки сегодня в достаточно хорошей форме, у них есть и запас капитала, и ликвидности для сохранения устойчивости и продолжения кредитования. Иными словами, этот кризис не начинается с банков, а наоборот, банки могут помочь сейчас экономике, разумно используя накопленный потенциал прочности». При этом она, правда, предупредила, что в то время как банки, по сути, помогают абсорбировать убытки экономики через реструктуризацию займов, помощь в получении новых кредитов, «для банков это не проходит даром — на них ложится часть убытков».

Позиция участников рынка в целом схожая: сейчас непосредственной угрозы банковской системе нет, она достаточно устойчива. Однако серьезный удар по банкам неизбежен, поскольку угрозы весьма существенны.

Первая проблема, которая, очевидно, сразу встала перед российскими банками, — неизбежное ухудшение качества кредитного портфеля. «Очевидно, что кризис запустит очередную волну банковских проблем. По-видимому, мы будем иметь достаточно заметный рост доли проблемных кредитов», — говорит главный аналитик Сбербанка Михаил Матовников. По его словам, удар по доходам физических лиц нанесен достаточно сильный. Это означает, что и по розничным кредитным портфелям, едва ли не впервые за последние годы, будет серьезный удар.

И в этом плане ситуация гораздо хуже, чем во время предыдущих двух кризисов нынешнего столетия. В кризис 2008–2009 годов, несмотря на спад банковского потребительского кредитования, физические лица не очень пострадали: тогда повышались зарплаты, пенсии, реальные зарплаты даже выросли. В кризис 2014–2015 годов реальные зарплаты падали из-за увеличившейся инфляции, но номинальные скорее росли. А кредиты выдаются в рублях, поэтому способность расплачиваться по кредитам страдала только в той степени, в которой не хватало на жизнь в свя-

зи с падением реальных зарплат, ничего ужасного с точки зрения качества кредитных портфелей не наблюдалось. А сейчас впервые удар нанесен не только по потребительскому спросу, но и по номинальным доходам физических лиц, их платежеспособности как заемщиков.

«Еще только предстоит оценить, какая доля граждан столкнулась с проблемами, но, скорее всего, речь идет примерно о 10% работающего населения. У нас в стране 72 млн занятых. Около 12 млн работают в МСП, и из них 6–7 млн — в отраслях, столкнувшихся с серьезными проблемами. На отсутствие доходов бизнес реагирует в этих секторах именно снижением зарплат», — дает оценку Михаил Матовников.

«Полагаю, мы увидим серьезный рост просроченной задолженности, особенно в сегменте необеспеченных потребительских кредитов. В ипотеке все будет более стабильно, хотя и здесь просрочка может увеличиться», — говорит директор по инвестициям ИК «Локо-Инвест», бывший директор департамента макроэкономического прогнозирования Минэкономразвития Кирилл Трemasов (когда материал готовился в печать, стало известно, что с 1 июня господин Трemasов выходит на должность директора департамента денежно-кредитной политики Банка России).

Не лучше ситуация и в малом и среднем бизнесе: на время карантина прекратили работу торговля непродовольственными товарами, туризм, гостиничный бизнес, сфера услуг.

По данным Банка России, на 13 мая от физических лиц поступило почти 1,6 млн заявок на реструктуризацию задолженности по кредитам (недельный прирост — 140 тыс.), в их числе 240,5 тыс. (то есть 15%) — обращения о предоставлении кредитных каникул. От предприятий малого и среднего бизнеса было подано на ту же дату 106,4 тыс. заявок на реструктуризацию кредитов (+12,5 тыс. за неделю), из них около 60% — о предоставлении субсидий МСП кредитных каникул. Напомним при этом, что требования о предоставлении кредитных каникул банки обязаны исполнять практически на автомате (если заявка соответствует определенным законом условиям).

«Роста просроченных кредитов избежать будет достаточно сложно, —

Пока большинство регуляторных послаблений для банков введено до конца сентября

говорит руководитель Центра макроэкономического анализа Альфа-банка Наталия Орлова. — На данный момент доля просроченных кредитов в корпоративном сегменте составляет около 8% портфеля, в розничном сегменте — около 4,5%. По оценкам, этот уровень может вырасти на 2–3 процентных пункта до конца года, что связано с вероятным ухудшением финансового положения в секторах, косвенно затронутых последствиями карантинных мер, и с провалом доходов домохозяйств».

Поддержка в минус

Отметим, что принятые государственные меры финансовой поддержки бизнеса, такие как кредитные каникулы, льготное кредитование предприятий под нулевую ставку, не вызывают особого энтузиазма у банков, скорее наоборот.

«Если клиент получает отсрочку по кредиту на шесть месяцев, это значит, что банк в течение шести месяцев не будет получать соответствующих доходов», — рассуждает президент Ассоциации российских банков Гарегин Тосунян. — Далее если через шесть месяцев клиент оказывается все же без доходов, он и через шесть месяцев не начнет рассчитываться по накопленным долгам, перестанет качественно обслуживать свой кредит. То есть на банке это скажется прямым образом сегодня, когда он дает каникулы, теряет процентные доходы, и через шесть месяцев с высокой вероятностью скажется, потому что качество заемщиков явно не будет улучшаться». Он полагает,

что на банковских балансах такой негатив постепенно будет накапливаться, где банки должны находить источники компенсации этого финансового давления, но совсем понятно, если, конечно, не будет налоговых послаблений или иных форм бюджетной поддержки, причём «для всего сектора, а не для отдельных крупных его представителей».

«Отдельную проблему представляют принятые Государственной думой программы реструктуризации задолженности», — говорит Михаил Матовников. — Такие программы могут быть разными. Есть программы, которые сильно подрывают экономику банков — это верно для ипотеки и в меньшей степени — потребительских кредитов, а есть программы, которые балансируют интересы заемщика и кредитора — таковы программы для малого бизнеса». По его подсчетам, стоимость реструктуризации ипотеки в рамках программы кредитных каникул для банка — это примерно 4% от объема портфеля, который был реструктурирован. То есть на каждые 100 млрд руб. реструктурированного ипотечного портфеля банки будут нести примерно 4 млрд руб. убытков.

«Что касается государственных программ поддержки кредитования реального сектора, то даже если ЦБ фондирует эти кредиты под низкие процентные ставки, риски невозврата все равно на банках остаются. Поэтому банковская система будет активно принимать в них участие только под стопроцентные гаран-

тии ВЭБа. Покрытие гарантиями менее 100% риска невозврата данную проблему не решает», — считает Кирилл Трemasов.

Группы риска

Масштабные госпрограммы поддержки бизнеса создают еще один негативный момент для банковской системы, точнее, для небольших банков, которые не будут допущены к участию в них. Гарегин Тосунян считает, что один из главных рисков сейчас связан с дальнейшей концентрацией капитала и, соответственно, всего банковского сектора в еще более ограниченном круге банков, в первую очередь в узкой группе банков с госучастием, поскольку предполагается, что господдержка экономики пойдет в первую очередь через них.

«Вместе с помощью они зачастую начинают фактически навязывать дополнительные услуги, уволить клиентов у рыночных банков, которые не могут себе этого позволить. В результате значительное число банков оказывается под ударом», — говорит он. — В результате ряд банков действительно окажется на грани банкротства. Такой риск из-за перманентного увеличения концентрации у нас всегда есть в последние годы. Но в нынешней ситуации, когда клиенты становятся менее платежеспособными и государство де-факто загоняет их в крупнейшие банки, через которые идет господдержка, эти риски существенно увеличиваются». Правда, немного сгладить ситуацию, по его мнению, поможет то, что банки второго-третьего эшелона себя пе-

рестраховывают в гораздо большем объеме, чем крупные, потому что они всегда опасаются потери ликвидности. По той же причине они держат достаточный запас капитала.

Михаил Матовников также считает, что небольшие банки могут оказаться в неприятной ситуации, но приводит иные причины. «У мелких и средних банков практически весь кредитный портфель представлен сегментом МСП, который оказался наиболее пострадавшим в кризис, особенно предприятия сферы услуг. Никакие программы реструктуризации не могут решить проблему того, что у людей просто не осталось бизнеса. Поэтому проблемы мелких банков могут быть серьезными», — говорит он.

Кроме того, Михаил Матовников выделяет и еще одну «группу риска», связанную уже не с размерами кредитных организаций, а с их аффилированностью. «У многих банков значительная часть кредитного портфеля приходится на строительство и вложения в недвижимость и связанные с этим бизнесы — торговые центры, бизнес-центры и т. д., — рассказывает он. — Данные сегменты, во-первых, оказались одними из наиболее пострадавших из-за карантинных мер. А во-вторых, именно на них приходится самая высокая доля связанного кредитования. Таким образом, мы рискуем вернуться к ситуации примерно пятилетней давности, когда в тяжелой ситуации оказались корпоративные банки, то есть банки, входящие в состав групп с большой долей небанковского бизнеса и активно кредитовавшие этот небанковский бизнес. И, как показала практика, когда перед владельцами группы встает выбор, банкротить, условно говоря, торговый центр или спасти его, жертвуя банком, выбор обычно делается в пользу спасения торгового центра».

Гарегин Тосунян тоже полагает, что в критической ситуации акционеры едва ли будут склонны помогать своим банкам — правда, отнюдь не в связи с текущим кризисом. «Потому что менее рентабельный бизнес, чем банковский, в России трудно себе представить, особенно в последние три года, когда слишком часто стали отнимать лицензии по разным поводам, были введены агрессивная форма резервирования и прочие формы давления на капитал банка, процентная маржа снижалась. Сейчас я вижу больше тех инвесторов, которые хотели бы уйти с рынка, чем желающих прийти к нему. Многие банковские инвесторы имеют иные бизнесы, и зачастую им придется выбирать, спасать банк или другой бизнес. Кто-то, наверное, будет спасать банк, но это будет скорее исключение, чем правило».

Долларам не лежится на депозитах

— резерв —

В марте вкладчики забрали с валютных депозитов в российских банках рекордные \$5 млрд. Есть разные версии, почему это произошло: от «бытовых» и «спекулятивных» до конспирологических.

Снимают все

Тенденция к сокращению объема валютных вкладов в российских банках наметилась еще в январе — феврале: тогда их объем упал на 0,42% и 1,89% соответственно. Впрочем, даже февральские цифры за пределы типичных значений волатильности этого показателя катастрофическим образом не выходили.

В марте же отток средств с валютных депозитов физических лиц составил, по данным Банка России, \$4,99 млрд в долларовом эквиваленте, или 5,29% от их общей суммы. Предыдущий месячный рекорд был поставлен в сентябре 2014 года: тогда отток составил \$3,64 млрд (4,02%).

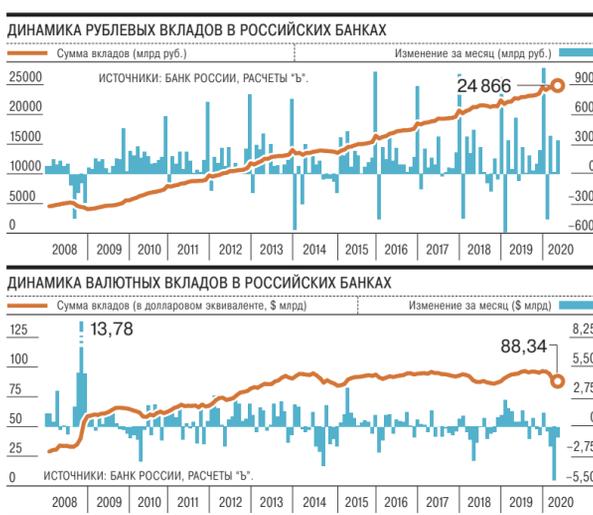
Если говорить о структуре оттока по срочности депозитов, из данных ЦБ следует, что в процентном отношении больше всего «похудели» вклады физических лиц сроком от 31 дня до одного года — на 8,43% (\$1,24 млрд), вклады сроком свыше одного года потеряли 5,94% (\$3,32 млрд), вклады до востребования и сроком до 30 дней — 1,82% (\$0,43 млрд).

Объем рублевых вкладов при этом практически не изменился, показав чисто символический рост на 0,08%. Что, впрочем, не означает, что деньги с них россияне не забирали — с учетом предполагаемой капитализации. Действительно, в прошлом году средние ставки по депозитам на срок больше года (это примерно треть рынка рублевых депозитов) находились в диапазоне 5,5–7,0%, по вкладам на срок до года — 4,5–6,2%. Таким образом, ежемесячные проценты по рублевым вкладам можно грубо оценить в 0,45% от их суммы, но этой прибавки (около 110 млрд руб.) банки на счетах не увидели.

По срочности тоже интересная картина. Сумма рублевых вкладов на срок больше года уменьшилась на 96,9 млрд руб. (–1,1%, эквивалент \$1,25 млрд по курсу на конец марта), вкладов на срок от месяца до года — на 127,6 млрд руб. (–1,1%, \$1,64 млрд). Зато вклады до востребования и сроком до 30 дней выросли за март на 244,4 млрд руб. (+3,8%, \$3,14 млрд).

Повод к спекуляциям

В Банке России отток вкладов связывают с рядом разовых факторов, в том числе с тем, что люди активно совершали покупки на случай необходимости самоизоляции, а некоторые крупные вкладчики делали крупные отложенные покупки (автомобили, бытовая техника) в ожидании роста цен, отмечая при этом,

ние на рынке, либо они переводят средства в инвестиционные инструменты, где доходность выше», — говорит руководитель «Открытия Private banking» Виктория Денисова. — В марте коррекция на финансовых рынках создала возможность для входа в инвестиционные инструменты на привлекательных уровнях, что побудило клиентов перекладывать средства из вкладов в инвестиции».

«По нашим наблюдениям, повышение курса валюты дало многим клиентам основание перерасместить средства в рубли. Кроме того, после скачка курса притормозилось новое размещение в валюту с конвертацией из рублей», — отмечает в банке «Уралсиб». «Спад интереса к валютным инструментам вполне логичен на фоне колебания курса рубля, валютные депозиты традиционно наиболее чувствительны к волатильности рынка, чем рублевые», — считает начальник управления развития депозитных и коммиссионных продуктов МКБ Юлия Алексеева.

Таким образом, получается следующая картина. Российские вкладчики активно забирали как валютные, так и рублевые депозиты. Валюту при этом на фоне резкого скачка вверх во второй половине марта курса доллара конвертировали в рубли, оставляя на текущих рублевых счетах.

Но есть и другие гипотезы, которые можно назвать конспирологическими. Так, один из источников, «Ъ» в банковских кругах склонен связывать резкий отток валютных вкладов с первым обращением президента Владимира Путина по поводу пандемии коронавируса. В котором, например, глава государства не только объявил о «каникулах» и мерах поддержки некоторых групп населения, но и анонсировал введение подоходного налога с доходов по депозитам. При этом причина оттока вкладов не в 13-процентном налоге на начисляемые проценты как таковом (тем более что взимать его начнут только по итогам 2021 года, а в том, что налоговой службе станут известны объемы сбережений вкладчиков, причем на всех счетах в российских банках.

Стоит отметить, правда, что президент выступил с обращением 25 марта, поэтому это предположение не совсем согласуется с данными ЦБ, что основной отток вкладов (ЦБ, правда, не уточняет, что это были валютные вклады) пришелся на третью неделю месяца, то есть на период с 16 по 22 марта. С другой стороны, о «каникулах» президент объявил в том же обращении, а отмеченная ЦБ и ритейлерами ажиотажная скупка продуктов для подготовки к самоизоляции началась гораздо раньше, так что и «налоговую» версию полностью сбрасывать со счетов тоже нельзя.